

jej miejsce pośród pozostałych). Paradoksalnie w powieści Sokołowa to właśnie „лингвистyczny танец”¹, energia i żywiołowość językowych przekształceń staje się ratunkiem – przeciwwagą dla entropijności świata², nękanego nieuleczalną chorobą „wiecznej powtarzalności”: „Саша Соколов разрабатывает метафизику языка. Язык для него та первичная стихия, в которой заключены все возможности развития мира. Мир и есть язык. Точнее, бесконечная совокупность миров, реальностей, которые способен породить бесконечный язык” [1;14].

Literatura

1. Вайль, П. Уроки школы для дураков / П.Вайль, А.Генис // Литературное обозрение. – 1992. – № 1/2.
2. Гуреев, М. Снимается документальное кино. Саша Соколов / М.Гуреев // Вопросы литературы. – 2011. – № 2: (online) <http://www.litsnab.ru/literature/5871>, [3.12.2012].
3. Дарк, О. Мир может быть любой: размышление о новой прозе / О.Дарк // Дружба народов. – 1990. – № 6.
4. Eliade, M. Mity, sny i misteria / M.Eliade / przeł. Krzysztof Kocjan. – Warszawa, 1994.
5. Зорин, А. Насылающий ветер / А.Зорин // Новый мир. – 1989. – № 12.
6. Лейдерман, Н. Современная русская литература: 1950-1990-е годы / Н. Лейдерман, М. Липовецкий. Т. 2. – М., 2003.
7. Розенталь, Д.Э. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию / Д.Э. Розенталь, Е.В. Джанджакова, Н.П. Кабанова. – М., 1999: (online) <http://www.eartist.narod.ru/text1/20.htm>, [26.02.2012].
8. Руднев, В. П. Прочь от реальности / В.Руднев. – М., 1999.
9. Руднев, В. П. Словарь культуры XX века. Ключевые понятия и тексты / В.П.Руднев. – М., 1997: [online] http://lib.ru/CULTURE/RUDNEW/slowar.txt_with-big-pictures.html, [30.07.2010].
10. Саша Соколов - Виктор Ерофеев. Время для частных бесед...” Диалог с нашими зарубежными соотечественниками // Октябрь. – 1989. – № 8. – S. 195-202.
11. Соколов, С. Между собакой и волком / С.Соколов // Школа для дураков. Между собакой и волком. – СПб., 1999.
12. Смит, Дж. Стихи в романе Саши Соколова „Между собакой и волком” / Дж.Смит // Взгляд извне. Статьи о русской поэзии и поэтике. – М., 2002. – S. 357-373: (online) akost.nm.ru/sas2.html [12.09.2013]
13. Соколов, С. Ключевое слово словесности / С.Соколов // Тревожная куколка. – СПб., 2007. – S. 143-158.
14. Sokołow, S. Między psem a wilkiem / S. Sokołow / przeł. A. Bogusławski. – Warszawa, 2000.
15. Цветков, А. Уроки Меркатора / А.Цветков // Соколов, С. Школа для дураков. Между собакой и волком. – СПб., 1999. – S. 5-16.
16. Чанцев, А. Слово с Берега Одинокого Козодоя / А.Чпнцев // Новый мир. – 2012. – № 2: (online) http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2012/2/ch11-pr.html, [5.04.2013].

Л.М. Вардомацкий (Витебский государственный университет имени П.М. Машерова)

ФОЛЬКЛОРНЫЕ ЗАПИСИ М. FEDEROWSKIEGO КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКА

В многогранном комплексе источников изучения истории народа важнейшая составляющая – изучение истории его языка. Как известно, практически во всех славянских странах диахронное фактологическое изучение языка имеет уже значительную историю, закрепленную в соответствующей литературе. Польские, российские, чешские, болгарские языковеды накопили значительный материал, позволяющий делать интересные выводы об истоках, путях и тенденциях развития их языков. История белорусского языка и историческая грамматика белорусского языка представлены рядом работ, в том числе таких известных авторов, как В.В. Аниченко, М.Г. Булахов, А.Н. Булыка, А.И. Журавский, Е.Ф. Карский, Л.М. Шакур, Ф.М.Янковский.

¹ Sokołow przyznawał: „Для меня важно, как работает язык, этот своего рода лингвистический танец.” – [online].

² Por. np. tezy na temat relacji tekst a entropia, [].

Во второй половине XX века интенсивность исторических исследований русского и белорусского языков заметно снизилась. Материальной базой исторических исследований, как известно, служат сохранившиеся и дошедшие до нас тексты, различающиеся жанром, стилем, авторскими предпочтениями, характером и, значит, языком. «Предметом описания исторической грамматики является речь, воплощенная в лингвистических формах и представленная в текстах» [1; 7]. Но, по мнению того же В.В. Колесова, «с самого начала эти две стихии различались»... «В историческом изучении языка создается трудность, состоящая в том, что естественное развитие разговорной речи нам приходится воссоздавать по письменным памятникам: «звуки» древнерусского языка изучаются по «буквам» текста, что требует особой осторожности в заключениях» [1;18]. Эти заключения, осмелимся добавить, всегда будут относительными и теоретическими. На эту же особенность указывает и известный историк русского языка П.С. Кузнецов. Он пишет: «Объектом исторической грамматики является историческое развитие живой русской речи во всем ее диалектном разнообразии, в той мере, в какой это может быть сделано на основании изучения письменных памятников» [2;3]. Таким образом, исследователи истории языка утверждают приоритет народно-разговорного языка в определении исторических ареалов восточнославянских диалектов, особенностей лексических, фонетических, грамматических процессов в них и определения исторических тенденций в развитии языков.

Говоря об истории белорусского языка, мы вынуждены констатировать, что в распоряжении языковедов сегодня крайне мало текстов, отражающих диалектные особенности различных временных эпох территорий, заселенных потомками кривичей, радимичей, дреговичей. Писцы, создавшие известные нам сегодня тексты, написанные в свое время на территории нынешней Беларуси, находились под активным влиянием либо церковнославянского, либо русского, либо польского языков. Обратим в этой связи наше внимание (с понятной долей осторожности в выводах) на замечание И. Рубановского, характеризовавшего коренное население Могилевской губернии: «Мы не будем говорить о дворянстве, так как образование и цивилизация изгладили в нем этнографические черты» [3; 473]. Но именно в среде образованных людей рождалась большая часть дошедших до нас текстов. Вследствие этого говорить о народной самобытности языка таких памятников письменности не приходится. Как нам кажется, белорусское языкознание нуждается в активизации своих исследований в этом направлении. Поиск, сбор и систематизация такого материала, который несет в себе этнографические и языковые особенности коренного населения Беларуси, представляется сегодня исключительно актуальной проблемой для дальнейшего развития белорусского исторического языкознания.

Среди таких источников выделяются этнографические материалы, собранные и изданные русскими, польскими и белорусскими собирателями. Так, в 1858 году польский исследователь-этнограф А. Киркор в качестве приложения к своей статье «Этнографический взгляд на Виленскую губернию» издал словарь «белорусско-кривичанского наречия жителей Виленской губернии». Уже представленный в этом словаре материал (около 350 слов, несколько народных песен, более ста пословиц и поговорок) позволяет сделать вывод о специфичности местного говора, его отличии и от польского и от русского языков.

Во второй половине XIX века наблюдается всплеск интереса к белорусской этнографии и белорусскому фольклору, при записи которого произвольно фиксировались формулы местной народной речи информантов. Вспомним здесь хотя бы издания П. Шпилевского, Г. Кулжинского, И. Носовича, Е. Романова, П. Шейна. Особое место в этом ряду принадлежит известному польскому этнографу М. Федоровскому, результаты многолетней работы которого воплотились в четырехтомном труде «Lud białoruski». Для современного исследователя записей, сделанных М. Федоровским, особенно важно

и интересно то, что польские исследователи его трудов (Halina Turska, например) считают язык фольклорных текстов, опубликованных М. Федоровским, белорусским языком. Одна из работ Х.Турской так и называется: «Słownik trudniejszych wyrazów białoruskich w tomie V I ludu białoruskiego M. Fedorowskiego». Причем автор обращает внимание на практическую значимость своего словаря, а именно: он должен «облегчить понимание читателем текстов белорусских песен» (*Здесь и далее по тексту перевод наш* – Л.В.). Это позволяет нам (опять же с определенными оговорками и осторожностью) говорить как о лексическом своеобразии текстов, так и отраженных при их записи фонетических особенностях.

Обратимся к лексическому материалу «Słownika...», сохраняя графику оригинала.

Abalonka. В источнике – ‘стекло в оконной раме’. Совр. белор. *шыба*. В ТСБЛМ *абалонка* – ‘...верхні слой чаго-небудзь...’. Совр. русск. *оболочка*. Но, во всяком случае до середины XX века, в народных белорусских говорах, в том числе и на востоке страны, *абалонка* употреблялось с тем же значением, что и указанное у М.Федоровского.

Abora (и *aborka*). В источнике – ‘шнурок для подвязывания лаптей’. Слово активно использовалось в художественных исторических белорусских текстах. В ТСБЛМ *абора*¹ – с тем же значением, *абора*² – ‘хлеў для кароў, кароўнік’, но *аборка* – ‘тонкая небольшая веревочка’ вообще. В MSJP – *obora* – ‘помещение для крупного рогатого скота’.

Akryjać. В источнике – ‘успокоиться, вернуть хорошее настроение, оживиться’. В ТСБЛМ *акрыяць* – ‘прыйсці ў ранейшы нармальны стан пасля хваробы, якога-н. бедства і пад., ачуняць, набрацца сіл’. В MSJP – отсутствует. В русск. *окрыленный* – ‘воодушевленный’. Вероятна этимологическая связь с существ. *крылья*.

Andarak. В источнике – ‘самотканая шерстяная юбка’. В ТСБЛМ *андарак* – самотканая паласатая або ў клетку спадніца’. В MSJP отсутствует.

Aplauxa. В источнике – ‘пощечина, удар по лицу’. В ТСБЛМ *аплявуха* – ‘1. Удар далонню па шчацэ. 2. Знявага, маральны ўдар’. В MSJP отсутствует. В совр. русск. *оплеуха* (разг. *прям.*, *перен.*) – то же, что и в белор. (русск. лит. – *пощечина*).

Apuszyć. В источнике – ‘вздуть живот’. В ТСБЛМ *апушыць* – ‘занадта павялічыцца ў аб’ёме (пра жывот)’. В MSJP отсутствует.

Asaka. В источнике – ‘тужица, острая трава’. В русском – *осока*. В MSJP отсутствует.

Balachon. В источнике – ‘верхняя накидка из тонкого материала, обычно полотна домашней выработки,.. пальто’. В ТСБЛМ – ‘халат шырокага крою, які раней насілі сяляне, а таксама (разм.) наогул шырокая бясформенная вопратка’. В совр. русск. – то же со вторым значением.

В MSJP отсутствует.

Balban. В источнике – ‘излишне разговорчивый человек, пустозвон’. В ТСБЛМ *балабон* – ‘балбатун, пустаслоў’. В совр. русск. (разг.) – ‘пустозвон’. В MSJP отсутствует.

Sieram. В источнике – ‘дом, дворец’. В ТСБЛМ – ‘У старажытнай Русі: высокі багаты дом у выглядзе вежы’. Современное значение не указано. В совр. русском (арх., переносн.) – ‘терем’. В MSJP отсутствует.

Czajać. В источнике – ‘ждать, надеяться’. В ТСБЛМ отсутствует. В MSJP – *Czaić się* – ‘подходить незаметно, подкрадываться’. Сравн. в совр. русск.: *нечаянно* – первонач. ‘неожиданно’, *чаяния* – ‘ожидания’.

Czaruot. В источнике – ‘trzcina’. В ТСБЛМ *чарот* – ‘высокая вадзяная або балотная расліна...’. Совр. русск. *камыш*. В MSJP отсутствует.

Czoboty. В источнике – ‘обувь с голенищами’. В ТСБЛМ отсутствует. В MSJP отсутствует. В русск. *чоботы* (устар.). Сравн. *чеботарь*.

Dziewier. В источнике – ‘брат мужа’. В ТСБЛМ *дзевьер*. В совр. русск. *деверь*. В MSJP отсутствует.

Hluodać. В источнике – ‘skrobać, drapać, ogryzać’. Совр. белор. *грызці, лузаць*. В MSJP отсутствует. Но сравн. в совр. русск.– *обглоданный*.

Jedranu. В источнике – ‘полный (о колосе), сильный, горячий (о солнце)’. В ТСБЛМ *ядраны* – ‘1. З буйным спелым ядром; 2. *Перан*. здоровы, моцны, свежы’. В совр. русск. – с теми же значениями. В MSJP отсутствует.

Приведенные здесь всего лишь несколько лексических примеров из фольклорного материала, собранного и записанного М. Федоровским, наглядно свидетельствуют о следующем. Как известно, собирательская деятельность М. Федоровского проходила с 1877 по 1891 год на территории 12 районов северо-западной части нынешней Беларуси, начиная с Пружанского района. Территории достаточно подвижные в историко-политическом плане. Но, несмотря на длительное нахождение внутри других государственных образований, народная речь в значительной степени сохраняла и развивала лексические элементы, свидетельствующие о самобытности формирования белорусского языка внутри народной стихии, не исключая иноязычного влияния, но опираясь на восточнославянские языковые традиции.

Літаратура

1. Колесов, В.В. Историческая грамматика русского языка / В.В. Колесов – М.: Русский мир, 2005. – 512 с.
2. Кузнецов, П.С. Историческая грамматика русского языка / В.И. Борковский, П.С. Кузнецов. – Москва, 1965. – 555 с.
3. Опыт описания Могилевской губернии. Книга 1. / Под ред. А.С. Домбовецкого. – Могилев, 1882.– 783 с.
4. ТСБЛМ – Глумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы / пад рэд. М.Р. Судніка, М.Н. Крыўко. – Мінск, 1996. – 784 с.
5. MSJP – Mały słownik języka polskiego / Red. Elżbieta Sobol.– Warszawa, 1998. – 1181 s.

В.У. Гарнак (Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава)

ФАЛЬКЛАРЫСТЫ ВІЦЕБШЧЫНЫ ПЕРШАЙ ПАЛОВЫ XIX СТАГОДДЗЯ

Максіміліян Восіпавіч Маркс (1816–1893) нарадзіўся ў Віцебску.

У 1834 годзе скончыў віцебскую гімназію, потым вучыўся ў Маскоўскім універсітэце. З 1858 года выкладаў у гімназіях Смаленска і Масквы. Па справе Д. Каракозава быў асуджаны і сасланы ў Сібір. У 1887-88 гадах М.В.Маркс падрыхтаваў свае ўспаміны.

Максіміліян Восіпавіч выказваў вялікую цікавасць да беларускай вуснай народнай творчасці, а ў маладыя гады ўваходзіў у гурток аматараў беларушчыны ў Віцебску. Для фалькларыстыкі найбольш каштоўнымі і цікавымі з’яўляюцца мемуарныя артыкулы Маркса, якія апісаў і часткова надрукаваў прафесар Львоўскага ўніверсітэта Вільгельм Брухнальскі (1859-1938), «Emilia Platerówna jako folklorystka» [1] і «Z pamiętnika M. Marksa Witebscanina» [2].

Паводле ўспамінаў М.Маркса, Эмілія Плятэр (1806 - 1831) сябрвала з яго маці, часта гасцявала ў Віцебску. Э. Плятэр любіла простых людзей, спачувала ім, збірала і добра спявала народныя песні [1].

Успаміны, якія былі апублікаваныя ў 1922-м годзе, складаюцца з 6-ці невялікіх частак [2]. Максіміліян Восіпавіч сабраў цікавы матэрыял пра адзенне віцебскіх мяшчан (беларусаў, яўрэяў), забавы і танцы простых гараджан [2, 136-139].

Мемуарыст цікава расказаў пра Піліпа Смурага і Уласа – вядомых у 30-40-я гады XIX стагоддзя гутарніках. Слухаючы падлеткам Піліпа Смурага, Маркс запісаў унікальны “Rodowod Białoruski” [2, 139-144].

Аўтар успамінаў з душэўнай цеплынёй піша пра сваіх землякоў – віцебскіх аматараў беларушчыны. Сярод самых адметных прадстаўнікоў фалькларыстыкі мемуарыст зноў уз-